

У этого проклятого «золотого пальца» слишком много изъянов! То, что он оказался будущим императором без пары, Ли Чжао воспринял спокойно. Предварительный спойлер лишь сделает ближайшие дни немного сложнее — это недостаток, но и возможность одновременно.

Но какого чёрта этот стример вздумал выдумывать ему партнёра ниоткуда?! По опыту прошлой жизни, проведённой в интернете, Ли Чжао прекрасно знал: фанаты парочек способны выковырять «сладости» даже из стеклянных осколков.

А если эти наивные древние люди поверят в это всерьёз? Куда тогда денутся его невинность и репутация?!

Ведь всего час назад он с такой убедительностью заверял Мин Чжэня, что не думает о браке, а если и будет выбирать, то только одну-единственную, с которой сердце сольётся воедино... А теперь небесный экран тут же объявляет: «Эй, братишка, вот мои любимые пары!»

Что подумает Мин Чжэнь? Поверит ли живому, настоящему ему — или же этим убедительным, будто историческим фактам из будущего?

Одна мысль об этом заставила Ли Чжао почувствовать, будто его пальцы ног могут выскрести из пола целый дворец Руй-ваня. Это же публичная казнь! Масштабнейший социальный крах!

Пока он внутренне бушевал потоком возмущений, «небесная фея» на экране уже плавно перешла к новой теме, глубоко вздохнув с лёгкой грустью:

> «Говоря о Пань Ин, нельзя не прийти в смятение от его судьбы. Всю его жизнь можно свести к четырём строкам:

> Был когда-то юношей-повесой, несшим на плечах надежду семьи;

> Затем прошёл через мрачные годы бегства и несправедливости;

> Стал потом грозой для всех — верным псом императора, командующим охраной;

> Но завершил свой путь в одиночестве и забвении.

> Его жизнь — череда взлётов и падений, полная драматизма и перемен.»

> «Что же превратило Пань Ина — рьяного студента, мечтавшего прославить род — в того самого жестокого начальника Императорской охраны, кого все боялись? Какую роль в этом сыграл наш Святой Основатель? Почему Пань Ин почитал его как божество?

> Все ответы — в следующем выпуске „История наизнанку“. Мы вместе окунёмся в первую пару нашего проекта: Пань и Лэй — история искупления и спасения. Не пропустите! Дорогие зрители, не забудьте поставить лайк, подписаться и нажать колокольчик!»

С последними словами образ на небесном экране внезапно исчез. Небо снова стало серым и

безжизненным, будто ничего и не происходило.

Но мёртвая тишина на площади из белого мрамора говорила сама за себя — в сердцах всех присутствующих бушевали буря и смятение. Воздух застыл, как перед грозой.

— Сяо Ши, подойди, — раздался сложный, многозначительный голос императора, нарушивший эту гнетущую тишину.

Ли Чжао мгновенно подавил хаос в мыслях и начал лихорадочно соображать, как пройти этот экзамен. С титулом «императора тысячелетия», данным небесным экраном, его жизнь, скорее всего, вне опасности.

Но внутреннее состояние отца сейчас должно быть крайне противоречивым. С одной стороны — радость от того, что в его династии, возможно, взойдёт великий правитель; с другой — гнев из-за возможного обмана, особенно из-за вопроса: почему именно десятый сын, а не кто-то другой, станет победителем в борьбе за трон? Эта тишина — лишь затишье перед бурей.

Он поклонился, как делал это последние восемнадцать лет. Но он знал: всё изменилось. Взгляд с трона больше не будет таким же — с примесью отцовской нежности, досады и раздражения от «сына-разгильдяя».

— Ли Чжао... Руй-вань... — император закрыл глаза, затем вновь открыл их — взгляд стал острым, как клинок. Медленно, размеренно, но каждое слово весило тысячу цзиней: — Я спрошу тебя лишь об одном: как ты думаешь, каким путём станешь победителем в борьбе девяти сыновей за трон? Убьёшь братьев? Или... отца?

Слово «отца» ударило, как гром среди ясного неба. Сановники в ужасе бросились на колени, затаив дыхание, не смея поднять глаз.

Только Ли Чжао резко поднял голову, широко раскрыв глаза от изумления и недоверия:

— Отец-Император! Сын с детства рос у Ваших колен, часто болел и потому получал Вашу особую заботу. Смею сказать: среди братьев никто не был так любим Вами, как я. Именно эта любовь даёт мне силу и уверенность!

Он опустил веки, но голос звучал чётко и твёрдо:

— Сын уважает Вас и любит Вас — это правда, клянусь Небом! Не знаю, какие испытания ждут меня в будущем, но я не совершу подлости. Жизнь дана один раз — и я хочу прожить её, не теряя покоя совести.

— Вот как — «покой совести»... — император пристально смотрел на него, будто пытаясь пронзить плоть и заглянуть в самую душу.

Долгая пауза. Затем напряжённая линия челюсти чуть расслабилась.

Взгляд Ли Чжао, прямой и без тени лжи, и лёгкая, почти детская обида в уголках глаз — всё это стало ключом, который мгновенно открыл запертые двери памяти.

Ли Чжао родился в первый день снегопада зимой седьмого года эпохи Юаньхэ. Тот снег шёл целый день, покрыв землю плотным белым покрывалом. Для народа империи Дашэн, пережившего в том году засуху, это было истинным благоприятным знамением.

Император взял на руки новорождённого десятого сына — и тот вдруг подарил ему беззубую улыбку. Впервые после восшествия на трон он снова почувствовал себя простым отцом.

Но уже на следующий день ребёнок впал в беспамятство. Ни лекарства, ни иглоукалывание не помогали. Госпожа-консорт рыдала, врачи были бессильны — пока настоятель храма Дажуэ, монах Миньбу, не сказал: «Его небесная душа неустойчива. Чтобы укрепить её, нужно три года питать императорской ци. И до пятнадцати лет ему следует жить, скрывая мужской облик».

С тех пор у императора всегда был рядом маленький комочек. Сначала он боялся, что ребёнок будет мешать во время советов и чтения докладов, но Ли Чжао оказался настолько послушным, что это вызывало боль в сердце.

Поначалу он почти всё время спал. Потом стал бодрствовать всё дольше.

Когда император совещался с министрами, Ли Чжао сидел в соседней комнате. Когда тот работал с документами, мальчик тихо играл в зале. Голоден — пищит, хочет пить — пищит, нужно в туалет — пищит... Но никогда не капризничал и не шумел. Порой император просто забывал о его присутствии.

Только когда уставал, Ли Чжао нетвёрдыми шажками подходил и своими детскими шутками прогонял усталость. Император собственными глазами видел, как этот ребёнок вырос от лепета до юношеского возраста. Отцовская гордость и любовь давно пустили корни в его сердце.

Даже когда позже Ли Чжао прослыл повесой, император знал: в основе его природы — доброта.

Да, он ленив и безалаберен, но не пьёт, не развращается, не обижает слабых. Наоборот — часто попадает в неприятности из-за своего добродушия, сам платит раненым и инвалидам из армии. Просто... не любит учиться.

А сейчас эта искренность, такая же, как в детстве, тихо стучала в его сердце.

Он видел и ту лёгкую обиду в глазах сына. Но он — не только отец, но и император. Он не может позволить себе проявлять предпочтение к одному сыну в ущерб другим.

— Запомни сегодняшние слова, — глубоко взглянул он на Ли Чжао. Взгляд был полон проверки... и усталости.

— Ван Дэ!

— Слушаю, Ваше Величество.

— Отведи его. Пусть Руй-вань возвращается во дворец. Без моего приказа — никому вход и выход запрещены.

— Слушаюсь.

Император окинул взглядом собрание, задержавшись на нескольких сыновьях. Голос был спокоен, но власть чувствовалась даже без гнева:

— Не хочу, чтобы в ближайшее время случилось что-нибудь непредвиденное. Расходитесь.

— Смеем ли мы?! — хором ответили министры и принцы, провожая императора поклонами. Что именно подразумевалось под «непредвиденным» — все прекрасно понимали.

— Ваше Высочество, прошу, — старый евнух Ван подошёл с двумя отрядами стражников и почтительно протянул руку.

Ли Чжао почувствовал лёгкую тоску. Не ожидал, что всё закончится так быстро.

— Благодарю вас, господин Ван, — он снова надел свою обычную улыбку, будто только что не стоял на грани гибели. Взглянув на удаляющуюся спину отца, он заметил: фигура, некогда казавшаяся непоколебимой, теперь выглядела немного уставшей. В груди заныло. «Надо меньше злить старика».

Он ещё раз посмотрел в сторону уходящего императора и тихо спросил:

— Господин Ван, если я завтра лично приготовлю для отца рыбку в знак раскаяния... не вышвырнет ли он меня вместе с ней за ворота?

Старый евнух улыбнулся, как Будда Милэ:

— Ваше Высочество, воля императора непостижима. Но если идёт от сердца — это всегда хорошо.

Ли Чжао усмехнулся и направился к выходу. Ветер начинается с кончика травинки —

перемены уже начались.

Повозка медленно катилась по улицам столицы. За занавеской доносились обрывки разговоров горожан:

— Слышал? Небесная фея сказала, что у нас будет император тысячелетия!

— Император тысячелетия? Как Цинь Шихуанди, что строил Великую стену? Или как Хань У-ди, что искал эликсир бессмертия? Небо! Ведь только несколько лет мира прошло...

— Да ты ничего не понимаешь! Фея сказала — «Святой Император Вэньу»! Со словом «Святой» — значит, перерождение святого! Это к добру!

— Эх, дела знати нам не наши. Лишь бы хлеба хватало — вот и хороший император...

Ли Чжао в карете усмехнулся, услышав эти разговоры простоллюдинов.

— Ваше Высочество, почему смеётесь? — мягко спросил сидевший рядом господин Ван.

— Послушайте, — Ли Чжао взглянул в окно, — народ с древних времён желает всего трёх слов: «чтобы хлеба хватало». Так просто... и так трудно достичь.

— Ваше Высочество мудры. Самые простые желания часто оказываются самыми недостижимыми. Стихийные бедствия и войны — не от человека зависят.

Ли Чжао замолчал. Как бы ни спойлили события небеса, жизнь продолжается. Сейчас он особенно остро скучал по тем культурам, что в прошлой жизни кормили миллиарды: кукурузе, картофелю, батату... и золотистому гибриднему рису.

Повозка остановилась — они доехали до дворца Руй-ваня.

Ли Чжао первым шагнул к дверце и, вынув из-за пазухи изящный золотой орех, ловко сунул его в руку внуху:

— Господин Ван, это новая безделушка. Возьмите на память. Провожать не надо — просто доложите отцу, что я благополучно вернулся. И... позаботьтесь о его здоровье. Пусть не переутомляется.

С этими словами он легко махнул рукой и, не оглядываясь, вошёл во дворец. Сопровождавшая

его императорская стража тут же заняла посты у ворот.

— Ваше Высочество! Вы наконец-то вернулись! — навстречу выбежал управляющий Фу Гуй. — Мин-господин уже давно здесь! И Пань Ин тоже! Про то, что небесная фея говорила...

Ли Чжао провёл ладонью по лицу и прервал его:

— Фу Гуй, пока не спрашивай. Всё в порядке во дворце?

— Всё хорошо! Мин-господин пришёл вскоре после появления небесного знамения. Ждёт вас в кабинете.

— Сейчас пойду к нему.

Едва он пересёк галерею, как навстречу уже вышел Мин Чжэнь. Вдали, среди изящных павильонов, он стоял в одежде цвета весенней листвы, чёрные волосы струились водопадом, весь облик — чист и благороден. Холодный ветер слегка развевал его одежду, подчёркивая изысканную осанку.

Ли Чжао внутренне нахмурился: «Разве в такую стужу можно так легко одеваться? Не простудится ли?»

Пока он думал, Мин Чжэнь уже подошёл ближе.

— Ты в порядке? — в его голосе прозвучала еле уловимая тревога.

— А у тебя руки совсем ледяные! — одновременно вырвалось у Ли Чжао. Он схватил холодные пальцы друга в свои ладони.

Мин Чжэнь позволил ему держать свои руки и внимательно осмотрел Ли Чжао с головы до ног. Убедившись, что кроме помятой одежды и лёгкой усталости с ним всё в порядке, немного успокоился.

— Раз ещё можешь волноваться, не замёрз ли я... — уголки его губ дрогнули в улыбке, но тон стал слегка колючим, — значит, с тобой всё в порядке. Пойдём в кабинет — Пань Ин там ждёт. Только скажи... — он сделал паузу, — когда, А Чжао, собираешься взять его к себе?

<http://bllate.org/book/17167/1606269>